

Источник: <https://vk.com/@novaiskra-o-unyh-devah-oboego-pola>

Одним из главных направлений критики великой русской революционно-демократической мысли 19 века был типаж страдающего от пресыщения паразита, любящего порассуждать о высоких материях, о своих глубоких страданиях, о любви ко всему высокому, светлому и прекрасному, продолжая при этом исправно потреблять получаемую с эксплуатируемых им крестьян прибавочную стоимость, сладко есть и красиво одеваться. В русской литературе 19 века подобный типаж нашел наиболее яркое выражение в образах Онегина и Обломова из одноименных произведений Пушкина и Гончарова. По Обломову лучше всего проехался Добролюбов в статье «Что такое обломовщина?» (http://www.lib.ru/LITRA/DOBROLYUBOW/oblomov.txt_with-big-pictures.html) , по Онегину же – Писарев в первой части статьи «Пушкин и Белинский» (http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0310.shtml)

И Добролюбов, и Писарев беспощадно вскрыли у этого малопривлекательного типажа отсутствие единства слова и дела, неспособность к решительным поступкам, завуалированную благозвучной фразой, неспособность к длительной целеустремленной работе, при всех иногда мелькающих в праздной душе благих порывах, трусость и лицемерие.

Критика Добролюбова и Писарева была важна потому, что лишние люди (как назывался этот типаж в русской литературе 19 века) претендовали на свое отличие от мещанской посредственности и действительно отличались от нее по ряду параметров: неучастием в трудовой деятельности, с одной стороны, определенной образованностью, чувством недовольства жизнью и большими претензиями – с другой. Эта образованность в сочетании с недовольством жизнью могла создавать о них определенные иллюзии, что они уже являются передовыми людьми. В то же время из части этих лишних людей, переживи они катарсис, действительно могли получиться полезные для дела человечества работники.

Добролюбов и Писарев своей критикой обломовщины боролись за умы и сердца среды, потенциально пригодной для вербовки революционных кадров – если эти кадры искоренят в себе обломовщину и воспитают способность к целенаправленному труду и единство слова и дела.

Урок Добролюбова и Писарева не пропал бесследно. Все последующее великое русское революционное движение отличалось единством слова и дела, презрением к пустой благозвучной фразе. Люди, шедшие в революцию, были кем угодно, но не обломовыми...

Добролюбов и Писарев, для которых тип дворянского лишнего человека был не историей, а современностью или почти современностью, относились к нему не с точки зрения исторического объяснения, а с точки зрения текущей политической борьбы. Такой подход в той ситуации был вполне оправдан, но он все же односторонен.

С точки зрения исторической перспективы тип лишнего человека хронологически связан с кризисом крепостнического хозяйства в эпоху Николая I. Он лишь слабо намечается до этого, и надолго исчезает после этого. Пока крепостническое хозяйство было на подъеме, дворянская интеллигенция совершенно не ощущала себя лишней и находила много дел по душе и призванию. Декабристы никоим образом не были лишними людьми, разъеденными праздной рефлексией. В большинстве своем – офицеры, участники войн с Наполеоном, они более-менее успешно делали карьеру – и в то же время готовили живое и практическое дело – военный переворот.

С другой стороны, тип лишнего человека исчезает из литературы – и из жизни – в период бурного развития капитализма в России в эпоху либеральных реформ Александра II. Потенциальные «лишние люди» становятся востребованы в экономике, политике, культуре, идут в акционерные общества, в адвокаты, земства – а какая-то часть находит себе совсем другое живое дело и уходит в революционное народничество, в котором было немало кающихся дворян. И в том, и в другом случае места праздной рефлексии нет, есть реальная жизнь и реальная борьба.

Таким образом, мы приходим к выводу, что резкое увеличение числа «лишних людей» напрямую связано с затяжным кризисом общества, становящегося не способным использовать в своих целях существующие силы и предоставить им практическое дело (или же дело, им предоставляемое, носит настолько жалкий и омерзительный характер, что все, кто может, от него бежит).

Поэтому появление большой группы лишних людей – бесспорное проявление общественного кризиса. И появление обширной группы молодежи с очень богатым внутренним миром, о которой пойдет речь в данной статье, связано с кризисом периферийного и полупериферийного капитализма, кризиса, который с разной степенью интенсивности и в разных формах переживают все страны СНГ.

Молодые силы не находят себе применения ни в экономике, ни в политике, ни в культуре. В экономике период формирования капиталистического класса закончился, все места заняты, и их передел невозможен, а безысходная экономическая стагнация делает невостребованными квалифицированных специалистов, которые стремятся при первой возможности свалить на Запад. Легальная политика (а политика – это борьба за власть) в России отсутствует, в Украине же носит настолько коррумпированный и безыдейный характер, что отталкивает всех людей с рудиментами честности. Экономическая и политическая стагнация ведет и к стагнации культурной.

Молодежь с очень богатым внутренним миром не востребована в современной СНГовии, как не были востребованы дворянские интеллигенты в николаевской России. Отсюда в обоих случаях самосознание обеих групп как лишних людей.

При этом очевидном сходстве есть и бросающиеся в глаза отличия.

Лишние люди николаевской России в основном были по социальному положению средними помещиками, за счет дармового крестьянского труда имеющими возможность не участвовать в производственном процессе даже в качестве его организаторов и не служить ради заработка в госаппарате (мелкие помещики были лишены такой возможности и должны были либо проживать в своих поместьях и сами организовывать эксплуатацию крестьян, либо где-то служить).

Такого социального слоя в современной СНГовии нет. Рантьерская буржуазия представляет собой скорее исключение, а не правило. Большинство представителей буржуазного класса вынуждено так или иначе участвовать в благородном деле выжимания прибавочной стоимости и ее распределения.

Отсюда следует немаловажная разница в возрастном составе лишних людей николаевской и современной эпохи. Лишний человек русской дворянской литературы 19 века – это мужчина лет 30 (Онегин, Печорин, Рудин, Бельтов, Лаврецкий, Обломов), а не подросток. Среди современных носителей очень богатого внутреннего мира решительно преобладают подростки и переростки, еще не вынужденные участвовать в производственном процессе и либо учащиеся в школе или вузе, либо не делающие даже этого.

С другой стороны, современный упадочный капитализм создает обширную категорию людей, вынужденных перебиваться случайными заработками, живущих иногда относительно обеспеченно, иногда совершенно необеспеченно, но всегда нестабильно. У таких людей (а носители богатого внутреннего мира не любят подчиняться дисциплине, поэтому предпочитают фриланс) может быть много свободного времени, но совершенно нет уверенности в устойчивости своего положения. Из-за неустойчивости своего положения и страха за будущее современные девы с богатым внутренним миром куда более сильно, чем лишние люди 19 века, склонны к истерии.

Наконец, лишний человек 19 века – это именно лишний человек, а не лишняя женщина. Положение женщины в дворянском обществе первой половины 19 века было четко определено, поэтому метания и терзания страдающей женской души были редким исключением, слабо зафиксированным в литературе.

В современном мире все обстоит иначе, и юная дева женского пола в современной СНГовии представляет собой точку пересечения всевозможных противоречивых влияний и импульсов – от патриархатных требований, которые предъявляют к ней сами уже в эти требования не верящие родители и общество до западных идей о ЛГБТ-френдли как высшем признаке передового человека (попадалась мне в анкете для юных дев запись «Маша. 12 лет. ЛГБТ-френдли»), от желания доказать свою передовитость, став бисексуальной демиромантической полиамурной агендерной квир-лесбиянкой до древнего как патриархатный мир желания использовать свою передовитость в качестве хорошего аттестата перед перспективными в карьерном смысле мужиками. Среди этих, по правде сказать, одинаково омерзительных влияний и импульсов нет только влияния действительно передовой общественной мысли и нет стремления к целеустремленному общественно полезному труду и к ответственности за свои поступки.

В общем, если лишний человек 19 века – тип, исключительно мужской, то сегодня богатым внутренним миром больше обладают все же девы женского пола.

Среди обладателей очень богатого внутреннего мира (далее для краткости – ОБВМ) задают тон дети среднего класса (говоря языком буржуазной социологии) или же дети мелкой буржуазии (говоря не модным нигде, кроме как у маргиналов, языком марксистским). Детишки верхов имеют слишком много развлечений, чтобы приправлять их еще и развлечением утонченного страдания, дети же социальных низов страдают куда больше и реальнее, чем носители ОБВМ, но в большинстве случаев не умеют красиво и гладко рассказывать о своих страданиях.

Современный средний класс возник после гибели советского среднего класса в ходе катастрофы начала 90-х годов. Советский средний класс – массовая база либерального перестроечного движения за рыночные реформы – был этими реформами и уничтожен. Часть его опустилась резко вниз, другая же часть все же сумела перестроиться, адаптироваться, удержаться на плаву или подняться несколько выше.

По общему правилу, удерживались и адаптировались наиболее черствые в моральном смысле элементы, умевшие идти к благополучию по чужим головам или хотя бы не возмущаться, когда по чужим головам ходит их начальство. Элементы, наделенные совестью и честью, гибли или опускались.

В ходе борьбы за выживание, занявшей все 90-е годы, души среднего класса черствели все больше. Нежности и тепла встречали мало не только люди, для них посторонние, но и их дети. Дите накормлено, напоено и имеет дорогие игрушки – что ему еще надо?

Как уже сказано выше, среди носителей ОБВМ решительно преобладают подростки и переростки – дети успешного и черствого среднего класса 1990-х годов. Их детство пришлось на период частичного экономического восстановления 2000-х. В отличие от более взрослых поколений катастрофа 1990-х годов не входит в их непосредственный жизненный опыт.

Для их родителей определенная зажиточность достигнута собственными усилиями и представляет приятный контраст с нищетой 1990-х годов. Для носителей ОБВМ из среднего класса определенная степень зажиточности представляет собой естественную данность и потому субъективно не представляет высшей ценности (разумеется, пока она есть. Отказываться от нее и отказываться от своих «привилегий»

носители ОБВМ всерьез не собираются).

Потребности подростков и переростков с ОБВМ воспринимаются более взрослые поколениями и в первую очередь поколением их родителей, прошедшим 1990-е годы, просто и однозначно – с жиру бесятся. Жир у них есть, это бесспорно, но бесятся они не только с него.

Не все дети среднего класса становятся носителями ОБВМ, не все пишут во вконтакте о желании найти родную душу, завернуться в плед и выпить чашечку кофе. Полным-полно куда более приземленно-реалистичных типажей.

ОБВМ, как искреннюю черту, а не дань моде, приобретают те, у кого есть вызванные разными причинами проблемы с социализацией среди сверстников и вообще в обществе. Причин появления таких белых воронов слишком много, чтобы пытаться их перечислить. Примем появление белых воронов как данность.

В старые времена, например, в 1980-е годы, белые вороны тоже появлялись среди подростков сплошь и рядом. Разница состоит в том, что сейчас, благодаря существованию интернета, белым воронам гораздо легче находить друг друга и создавать совместные виртуальные миры. Такая белая ворона может восприниматься людьми, с которыми физически взаимодействует в реальной жизни, как странное и убогое существо, но это тревожит нашу ворону гораздо меньше, чем тревожило бы в старые времена, потому что в виртуальном мире она выступает как принцесса эльфов или как основательница нового направления в радикальном нейроотличном транс-квир-феминизме – смотря по ситуации.

Несколько лет назад в Германии был случай, когда к взаимному удовольствию друг друга нашли каннибал, желавший кого-то зажарить и съесть, и мазохист, желавший быть зажаренным и съеденным. Конечно, относительно массовые девиантные от общепринятых норм элементы находили друг друга и раньше, но благодаря интернету воистину нет никакого редкостного извращенца, который, приложив определенные усилия, не нашел бы собрата.

Итак, интернет дал возможность самым разнообразным белым воронам создавать свои

виртуальные миры, искать и находить собратьев и сосестер по разуму и даже виртуально влюбляться в таковых на долгие годы, нередко ничего не делая, чтобы познакомиться с объектом виртуальной любви в реале.

Интернет-общение создает чувства, сильно отличающиеся от чувств, развиваемых общением в реальной жизни. Эти чувства по-своему реальны, но в то же время иллюзорны.

Интернет-романы могут тянуться годами, вызывать бурю страстей, разрывов и примирений, без того, чтобы влюбленные встретились друг с другом в реале и в практике повседневного трудового общения выяснили, насколько они подходят друг другу. Иллюзорность образа другого человека и несоответствие его реальному человеку при интернет-общении гораздо выше, чем при общении в реальной жизни. В итоге либо интернет-роман сам собою изнашивается и прекращается, чувства, не находящие опоры в практике реальной жизни, перегорают, либо влюбленные наконец-то встречаются и с немалым изумлением обнаруживают, что их представление друг о друге сильно отличается от реальности. Это означает конец романа.

Интернет-ненависть, как и интернет-любовь, реальна в том смысле, что она существует, и иллюзорна в том смысле, что она на порядок дальше, чем реальная ненависть, отстоит от практики. Человеку, которого ты никогда не видел и никогда не увидишь, и который – что важно – по этой причине не может дать тебе в морду за хамство, ты можешь наговорить гораздо более гадостей, чем глядя ему в глаза. С другой стороны, взаимные недоразумения без личного общения, по переписке, обычно накапливаются, и могут привести к разрыву даже в том случае, где этого разрыва при личном контакте можно было бы избежать.

Подчеркнем, что вышесказанное относится именно к интернет-общению, а не к ситуации, когда по интернету общаются люди, прекрасно знающие друг друга и в реальной жизни.

Психология носителей ОБВМ возникает как отрицание психологии неприятных им их родителей и сверстников. Родители и сверстники практичны, черствы и корыстны – носители ОБВМ хотят быть идеалистичными, отзывчивыми и теплыми. Близкое знакомство с ними, однако же, обычно убеждает, что их идеализм и отзывчивость носят сугубо словесный характер. Они могут писать «как всех люблю как всех жалею» и «сострадание сочтется из меня как из губки ко всем и ко всему», но горе тому, кто

воспримет эти слезливые фразы за чистую монету.

Носители ОБВМ слишком носятся со своей драгоценной персоной и ее кукольными страдальцами, чтобы искренне, а не декларативно чувствовать страдания других людей. Этому есть две причины:

1). Они не вышли из периода инфантилизма и не отошли от естественной для детей привычки брать и не давать взамен. Родители обеспечивают ребенка или подростка, помогают ему и сочувствуют, ребенок же, как правило, не только помочь, но и посочувствовать им не может (как может ребенок сопереживать проблемам отца на работе, если он даже не представляет, что это за проблемы).

Поэтому носители ОБВМ с великой охотой просят и получают помощь и сочувствие, но не способны помогать и сочувствовать сами. Пословица «за добро добром платят» - не для них и не про них.

2). ОБВМ образуется у десоциализованных детишек среднего класса. Социальные же чувства вроде сострадания (реального, а не как свидетельствующая о продвинутой фразе) возникают именно в ходе социализации в реальных коллективах. Представитель дворовой гопоты не умеет говорить красивых фраз о том, как он всех любит и жалеет, и из него не сочтется сострадание ко всем и ко всему, но он знает, что своих не предадут и что брат должен стоять за брата. Скажем прямо, знающий это гопник – обладает моралью (пусть плохой), а вот юная дева с состраданием ко всему живому до уровня гопника еще не доросла.

Троцкий правильно заметил, что моральные нормы тем действительнее, чем они Уже. Любовь ко всему человечеству – как правило, пустая фраза, ничем не связывающая и ни к чему не обязывающая, тогда как требование не предавать своих – это жесткий и обязывающий императив, за нарушение которого в здоровом обществе очень сильно бьют. Моральные дилеммы возникают из-за того, что в обществах, более сложных, чем первобытное племя, становится непонятно, кто свой, а кто чужой (кто роднее христианину – родной брат – язычник – или брат по вере? Кто роднее русскому коммунисту – русский буржуа или коммунист – негр? И т.д.). Особенно трагичный характер подобные моральные дилеммы принимают в эпохи гражданских войн, когда брат убивает брата, отец – сына, а сын – отца – «одной с тобой крови, да не одного с тобой класса», как сказал в подобной ситуации комиссар Гердт Ивану Половцу в

великом романе Юрия Яновского «Всадники».

Но юные девы с ОБВМ до морального уровня трагедийных героев «Донских рассказов», делающих выбор между разными – причем равно жестко-обязательными – моральными нормами – совершенно не доросли. Ни к какому реальному коллективу с его моральными требованиями они не принадлежат, поэтому их моральные потуги являются отвратительным лицемерием.

Реально носители ОБВМ не могут делать большого зла исключительно от своего бессилия, бессилия, иногда компенсируемого словесным садизмом - «и судорожно смыкаются руки на чьей-то шее я хочу убивать я хочу давить я хочу топтать».

Но увы, «убивать, давить и топтать» они не способны:

«но я через сито процежена

обезврежена

настоящая женщина

идеал всех прогнивших ценностей».

Достаточно признать себя настоящей слабой женщиной (цитируемые стихи писала феминистка!) – и нет нужды реализовывать стремление «убивать, давить и топтать».

Это противоположность морали Сартра, утверждающей, что каждый человек несет ответственность за свое действие или бездействие и не может оправдаться в ситуации, требующей морального выбора, фразами «я лжив, труслив и подл – мне можно». Ты не

от природы лжив, труслив и подл, ты сам сейчас выбрал быть лживым, трусливым и подлым.

Носители ОБВМ как огня избегают неприятных ситуаций, требующих морального выбора. Если им надоело общаться с человеком, они предпочитают без объяснения причин занести его в черный список, чтобы избежать неприятного разговора. Они объясняют это тем, что им не хочется обижать этого человека неприятным разговором. На самом деле им не хочется терять свой душевный комфорт в ходе неприятного разговора.

Немалая часть носителей ОБВМ, особенно затронутая левацкими идеями, любит порассуждать о сострадании к страдающим и несчастным и даже о желании отказаться от привилегий. Особенно эксцентричные особи даже вылизывают воду, которую случайно прольют – ведь детям Африки не хватает воды (реальный случай, если только писавшая это не врала)!

Но если ты поймашь особь с ОБВМ на слове и скажешь: ты мечтаешь отказаться от привилегий – пришло время отказаться, особь возмутится и скажет, что нельзя же все так воспринимать буквально. Уютное комфортабельное страдание, при котором несчастный страдалец продолжает сладко есть и приятно развлекаться!

Все их страдание и сострадание – поза и фраза, ориентированная на публику, состоящую из таких же, как они. Вот напишет человек, что хочет вырезать себе кусок кожи, чтобы почувствовать, как мучаются бедные животные, с которых живых срезают кожу – так это лишь сигнал для подруг, вот мол, какая я чувствительная, животных жалею, кожу с себя хочу срезать, давайте отговаривайте меня.

А если вместо чувствительных подруг на запись набредет реалист-циник и спросит: ну, как, срезала кожу?, - то девочка начнет оправдываться – мало ли мол, какие праздные желания мне в голову приходят, нельзя же их воспринимать так буквально. И не обязана же я делать все, что говорю и обещаю.

Человек, живущий по правильным понятиям (они же – моральные нормы традиционного общества,) стремящийся к соответствию слова и дела и считающий, что за базар надо

отвечать, , если в силу тех или иных причин приходит в соприкосновение с носителями ОБВМ, попадает в Зазеркалье. Для такого человека страдание – это страдание, сострадание – сострадание, любовь – это любовь, а ненависть – это ненависть. Для носителей ОБВМ все эти грозные слова – лишь цветочные этикетки, призванные указывать на очень богатый внутренний мир того или той, кто их на себя приклеил.

Страдания, которые испытывают и о которых говорят носители ОБВМ, напоминают страдание пресыщенного праздностью и наслаждениями помещика Е. Онегина, блестяще высмеянное Д. И. Писаревым:

«...На Вечного Жида российский помещик Онегин не похож нисколько, и сравнивать их между собою нет ни малейшей надобности. Вечный Жид, говорят, был так устроен, что никак не мог умереть; вследствие этой странной особенности своего организма он действительно имел полное основание м е ч т а т ь о с м е р т и, к а к о в е л и ч а й ш е м б л а ж е н с т в е. Но Онегин этого основания вовсе не имеет, и фантастическая фигура Вечного Жида, воплотившего в себе такое страдание, которое далеко превышает размеры человеческих сил и человеческого терпения, приплетена тут ни к селу, ни к городу. Белинский сам подозревает, что "онегинское страдание" н е о т н и м а е т н и с н а, н и а п п е т т а, н и з д о р о в ь я, но, по своей великодушной доверчивости, наш критик полагает, что оно т е м у ж а с н е е.

Да, действительно ужасно! Таким страданием страдают в водевилях неутешные вдовы, которые во время пьесы плачут о муже и сквозь слезы кокетничают с юным офицером, а перед самым падением занавеси вытирают глазки платочком и объявляют растроганным зрителям в заключительном куплете, что спасительное время и новая любовь исцеляют самые глубокие раны растерзанных вдовьих сердец. У этих милых вдов страдание тоже сидит в самой глубине души, так глубоко, что не может иметь никакого влияния на различные отправления физического организма. Сердце вдовы разбито, но тело ее жиреет и процветает во все свое удовольствие. Простое человеческое страдание, не водевильное и не онегинское, не забирается в такую недостижимую глубину и вследствие этого разъедает и прожигает насквозь тот организм, в котором оно гнездится. Я должен признаться, что, как грубый реалист, я только это последнее, грубое и не глубокое страдание считаю истинным. Когда же несчастный страдалец спит по восьми часов в сутки, ест, как здоровый бурлак, и толстеет от глубокой печали, тогда я осмеливаюсь утверждать, что этот цветущий мученик -- большой шутник, выкидывающий самые уморительные коленца. Посудите сами: не шутник ли этот Онегин? Вздумал нас уверять, что он завидует больным и раненым! Но он нас не обманет. Мы знаем очень хорошо, что зависть возможна только тогда, когда она направлена на такой предмет, которого завидующий человек не может себе присвоить собственными силами. Больной может завидовать здоровому, потому что больной не в

состоянии сделаться здоровым по собственному желанию. Нищий может завидовать миллионеру по той же самой причине. Но в обратном направлении зависть не имеет никакого смысла, потому что здоровый человек может, когда ему заблагорассудится, расстроить свое здоровье, а миллионер во всякую данную минуту может превратиться в нищего. Зачем, говорит Онегин, я пулей в грудь не ранен? Ну, не шут ли он гороховый? Это он говорит на Кавказе и говорит в то время, когда Кавказ еще не был покорен и замирен. Да кто же ему мешает поступить юнкером в действующую армию и получить в грудь не только одну пулю, а, пожалуй, даже хоть целую дюжину? Но ему вовсе не хочется иметь в груди пулю; ему желательно только рассуждать об удовольствии быть раненым, о блаженстве тульского заседателя, лежащего в параличе, и о великом несчастье того человека, который молод и чувствует в себе присутствие крепкой жизни. О всех этих предметах он рассуждает совершенно беспрепятственно; доверчивые люди принимают его слова за чистую монету; на него смотрят, как на загадочную личность; его отделяют от толпы не как шута горохового, а как высшую натуру; значит -- он катается, как сыр в масле..." http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0310.shtml

Часть носителей ОБВМ, которая в той или иной мере находится под влиянием левацких идей, любит иной раз порассуждать, как они страдают от наличия привилегий и как хотели бы от привилегий отказаться. Только упаси бог принять все это всерьез.

Русские народники из высших классов, желавшие отказаться от привилегий, первым делом порывали с семьями, начинали жить на свои заработки. Так то ж народники – люди с примитивным внутренним миром, для которых сказать и сделать было одно и то же.

А вот носители ОБВМ не таковы. Девицы с ОБВМ могут годами плакать, как они страдают от родительского деспотизма и от гомофобных шуток своих бабушек. Но уходить из семьи, и начинать работать, чтобы не страдать от бабушкиной гомофобии и родительской опеки, они не собираются. И их словесные страдания просто призваны повысить престиж данной особы в соответствующей среде (бедная подру_га! Кругом нее одни гомофобы! Но она не сдается и печатает анонимные посты на ЛГБТ-френдли ресурсах, дрожа от страха, что об этой ее деятельности узнают гомофобные родители) и вызвать порцию няшинга.

Единственная привилегия, от которой всерьез хотели бы отказаться носители ОБВМ, это привилегия умственного здоровья и вытекающая из нее презумпция ответственности за свои поступки.

Психические болезни в моде в данной среде, и знать значение аббревиатур ОКР, ПРЛ, РПП – обязательное условие для вхождения в нее. Некоторые даже гордятся – у меня, мол, настоящее ПРЛ или я – настоящая аутистка. Психическая болезнь – не несчастье, требующее лечения, а свидетельство утонченной натуры.

Кроме моды на психические болезни, в рассматриваемой среде есть еще мода на ЛГБТ, как признак своего превосходства над профанным миром. При этом лесбиянками нередко заявляют себя девицы, получающие оргазм от гетеросексуального секса и через несколько лет становящиеся обыкновенными мещанками, пилящими мужей и дающими подзатыльники детям. Но это будет потом, а пока что юная дева дает себе характеристику «Катя, 15 лет, ЛГБТ-френдли».

Правых, националистов, фашистов и расистов данная среда не любит. Не любит не за действительные пороки, а за то, что правые хотя бы декларируют общеобязательные моральные нормы. Для носителей же ОБВМ плохи не конкретные моральные нормы, а наличие моральных норм вообще.

Впрочем, среда с ОБВМ - крайне извращенная и обожающая принцип «ненавижу и люблю», иными словами, любящая одной стороной своей души и одной частью своего организма то, что ненавидит другими частями. Поэтому некоторые носительницы ОБВМ пытаются дружить с Простыми Правыми Парнями и мутить с ними романы. Однако нервотрепки от таких романов много, а удовольствия мало, если только правые парни не относятся к таким девицам по принципу «попользоваться – и бросить первым». Носительницы ОБВМ – не валькирии и не боевые подруги, в большинстве случаев они не красавицы и из них не получатся хорошие жены и матери. Поэтому в жизни Простых Правых Парней серьезную роль они играть не могут.

Зато они переполняют левацкое движение, принося туда разложенческие и вырожденческие импульсы. Таковыми импульсами являются не сами по себе гомосексуальные склонности (среди гомосексуалистов хватало сильных и бесстрашных людей – от героев античной Греции до советских разведчиков из Кембрижской пятерки), но трусость, лживость, несоответствие слова и дела, культура истерии, треп о всесветном сострадании при равнодушии к другим людям, неумение целеустремленно и последовательно работать в сочетании с умением беспочвенно фантазировать. И т.д. и т.п. Поэтому-то переполненная подобными субъектами новолевая и леволиберальная среда и выглядит гораздо омерзительнее, чем среда правая (которая тоже, разумеется,

состоит не из ангелов).

О степени взаимопомощи в сострадательной ОБВМ –среде может свидетельствовать одна недавняя забавная история. Одна феминистка серьезно, хотя и не крайне серьезно, приболела, регулярной работы, как можно понять, у нее не было, в итоге она вывесила в одном паблике объявление, что в связи со сложившейся ситуацией продает свои картины и рисунки по договорным ценам.

Комментариев было много: «Сестра, держись!», «Мысленно мы с тобой!», «Милая, все у тебя получится! Мяу!». Лишь один комментарий содержал деловой вопрос – куда и когда приехать, чтобы забрать рисунок и отдать деньги – да и тот вопрос был с мужского аккаунта...

Следует подчеркнуть одну важную вещь, иначе меня могут неправильно понять. По ряду внешних признаков юных дев с ОБВМ можно спутать с совсем другой категорией, тем более, что эти две категории пересекаются, сидят на одних и тех же пабликах и т.п. Речь идет о девушках из низших классов с реальными физическими и психическими болезнями. Причем, читая рассказы о своей жизни подобного рода девушек, бросается в глаза, что их физические и психические болезни в очень большой степени обусловлены материальной нищетой, и что будь у них самих или у их семей деньги, эти болезни либо не возникли бы вообще, либо их можно было бы успешно лечить. Нередко, кстати сказать, подобного рода пролетаризированные девушки с реальными проблемами производят впечатление куда более талантливых и сильных людей, чем вылизывающие пролитую воду обладательницы богатого внутреннего мира из среднего класса.

Но культурный тон и идейную гегемонию задают не пролетаризированные девушки с реальными болезнями. У тех, кто реально страдает и борется из последних сил с болезнями и нищетой, обычно нет сил, чтобы многословно рассуждать о своих страданиях. Кроме того, в значительной части случаев, хотя и не всегда, у них нет и соответствующего культурного уровня, чтобы рассуждать о своих страданиях красиво и поэтично.

Недавно левый активист Г. Ахметшин опубликовал автобиографические очерки о своих реальных и очень больших страданиях в детские годы – катастрофа 1990-х годов, нищая семья, черствая и неумная мать, физические болезни и т.д. Только написал он об этом много лет спустя, когда его положение все же порядочно улучшилось. А когда боль

была наиболее остра, страдающему ребенку было явно не до чувствительных излияний в интернете, и будь у него тогда к интернету доступ, написал бы он что-то до такой степени правдивое и короткое, что сострадательные девы с ОБВМ на его реальную боль просто не обратили бы внимания. Эмпатии у них нет, как известно...

Следует указать на одно важнейшее с точки зрения общественного значения различие между лишними людьми николаевской эпохи и юными девами обоего пола с ОБВМ.

Лишние люди были неспособны к целенаправленной упорной работе. Но часть из них, не такие, как Онегин и Обломов, а такие, как Рудин и Бельтов, все же достаточно много, пусть и беспорядочно, читала – и читала не тогдашних Коэльо, а Гегеля, Фейербаха, Сен-Симона, Адама Смита и другую передовую западноевропейскую литературу своего времени. О полученных знаниях прочитавшие все это говорили другим людям, а иногда даже писали популяризаторские статьи в толстых журналах. Тем самым они способствовали движению вперед общественной мысли и готовили почву для прихода новых людей, для прихода поколения Чернышевского, Добролюбова и Писарева, у которых слово и дело стали стремительно сближаться, пока не слились окончательно в действии русских революционеров - народников и марксистов.

Круг чтения дев с ОБВМ в большинстве случаев - модные писатели Коэльо и Мураками, круг их интересов вертится вокруг анимэ и фантазий на его тему. Как с достойной уважения самоиронией написала одна из таких дев, желающая найти родную душу: «Люблю интернет и литературу, а точнее заурядно сохраняю картинки и почитаваю что-то время от времени. Потому что почти всегда сижу дома и пью чай с лимоном (хотя люблю кофе). На самом деле обладаю запасом бесконечных ебанутых историй и с радостью могу послушать чужие, кинуть вам забавных картинок или сказать, что все кроме вас козлы».

В более редких – и, пожалуй, в более вредных случаях – юные девы обоего пола читают западных постмодернистских идеологов и тем самым содействуют не прогрессу, а деградации общественной мысли на просторах СНГовии. Для содействия прогрессу читать нужно совсем других авторов – от русских революционной демократов 19 века до современных исследователей, работающих в духе географического и экономического материализма. Но это же так не стильно, не прикольно и не молодежно! Уж лучше я анимэ посмотрю.

В большинстве случаев состояние ОБВМ недолговечно. Пройдет несколько лет, и юная истеричная девочка с благими порывами станет успешной и целеустремленной карьеристкой или домашней клушей. Иногда это превращение может произойти быстро и катастрофически. Иногда оно происходит медленно и незаметно.

Другая, более искренняя, часть носителей ОБВМ может спиваться, снаркоманиваться и реально, а не в игрушку, сходить с ума и самоубиваться. Роль влияет на актера и маска может прирасти к его лицу.

Но на смену одним носителям ОБВМ будут приходиться другие. Экономическая стагнация, политическая реакция и культурная деградация будут порождать и воспроизводить слой людей с благими порывами, но без способности и желания эти порывы хоть частично реализовать.

Слой передвой дворянской интеллигенции николаевской России дал Герцена, Огарева, Грановского, Станкевича, из этого слоя вышел и Бакунин. Станкевич умер в 28 лет, не успев толком ничего написать, Герцен скрипел зубами, страдал, мучился и доверял свои страдания только дневнику («Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования,-- а между тем наши страдания -- почка, из которой разовьется их счастье. Поймут ли они, отчего мы лентяи, отчего ищем всяких наслаждений, пьем вино... и пр.? Отчего руки не поднимаются на большой труд? Отчего в минуту восторга не забываем тоски?.. О, пусть они останутся с мыслью и с грустью перед камнями, под которыми мы уснем, мы заслужили их грусть. Была ли такая эпоха для какой-нибудь страны? Рим в последние века существования -- и то нет. Там были святые воспоминания, было прошедшее, наконец, оскорбленный состоянием родины мог успокоиться в лоне юной религии, являвшейся во всей чистоте и поэзии. Нас убивает пустота и беспорядок в прошедшем, как в настоящем отсутствие всяких общих интересов» http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0400.shtml

az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0400.shtml

)

. Огарев много пил и писал упаднические стихи, где изливал душу. Грановский играл в карты, заглушая тоску. Бакунин вообще уехал из России и нашел дело своей жизни в Европе. Так же поступил и его современник, В.С. Печерин, ставший, правда, не анархистом, а католическим монахом.

Но, преодолевая хандру, все эти люди так или иначе могли мобилизоваться, когда нужно, для усиленного труда, и этим трудом готовили почву для прихода грядущих и доблестных дней. Им на смену пришли революционеры — народники и марксисты, чей

внутренний мир был прекрасен и прост, а чье дело перевернуло Россию.

Выйдут ли хотя бы из ничтожной части носителей ОБВМ полезные делу человечества работники – вопрос, пока еще не решенный практикой. Мы не очень верим в такую возможность, но даже если верить в нее, то для того, чтобы она реализовалась, утонченные натуры с ОБВМ надо не няшить, а тыкать мордой в действительность – в их собственную и в их окружающую.

М. Инсаров